

Мишель Блан —

озабоченный оптимист

Профессия —
режиссер

— Если не секрет — как вы додумались до такой странной истории?

— Не секрет. Эту идею подкинул мне Ханиф Курейши, английский сценарист. Он написал для Фирза "Мою прекрасную прачечную" и "Сэмми и Роза".

— Раньше вы говорили, что идею "Большой усталости" вам подкинул Бертран Блие. Вы всегда начинаете с чужих идей?

— Мне нужна отправная точка, иначе я не смогу почувствовать себя сценаристом. Я люблю писать диалоги, но не чувствую себя автором в полном смысле слова. Автор для меня — тот, у кого есть интересные идеи.

— Есть ли связь между тем, что "Затруднительное положение" не является комедией, и тем, что вы в нем не играете?

— Да, разумеется. Если бы я в нем играл, люди бы автоматически решили, что это комедия. К тому же, вряд ли зритель поверил бы в то, что я могу стать жиголом.

— Но, согласитесь, Даниэль Отей тоже не очень хорошо вписывается в это амплу!

— Здесь и заключается главная опасность фильма. Дело не в Даниэле, он достаточно талантлив, чтобы сделать убедительной любую роль, — а в самом персонаже. Как может 45-летний интеллект, преподаватель философии, который вовсе не похож на бабника, стать за несколько дней профессиональным жиголом? Это было труднее всего. Я писал сценарий больше года, и полгода мне потребовалось только для того, чтобы убедить себя, что такое возможно. Конечно, Даниэль внешне мало похож на жиголо, но я специально написал сцену в агентстве, где собираются все жиголо, — чтобы зритель увидел, какие они разные.

— Вы прикидывали Отей на роль в тот момент, когда писали сценарий, или его кандидатура возникла позже?

— Я писал этот сценарий специально для него! Мне давно хотелось с ним поработать — и перед камерой, и за камерой. Это потрясающий актер. Сегодня он поднялся на тот уровень, на котором можно сыграть все.

— Он сразу согласился сниматься, или вы писали сценарий, не будучи уверенными в исполнителе?

— Однажды мы с ним обедали, и я рассказал ему идею, и спросил, что он об этом думает. Я не просил сразу сказать "да". На той стадии мне было достаточно, чтобы он сказал, что в принципе не против. Он подумал и сказал, что в принципе не против. И тогда я сел писать сценарий.

— Как вы работали?

— Во-первых, я перебрался в Лондон и мы с Ханифом попытались писать вместе. Через пару недель уперлись в тупик. Ханиф склонялся в сторону комедии — очевидно, потому что видел во мне чисто комедийного актера и режиссера. Потом признался, что ему больше хочется писать об этом роман, нежели сценарий. В конце концов он выбыл из проекта, и мне пришлось атаковать сценарий в одиночку.

— Вам не казалось, что вы може-

Актер и режиссер Мишель Блан относится к числу немногих постановщиков, которые снимают по принципу "мало, но хорошо". "Затруднительное положение" (Mauvaise Passe) — его третья режиссерская работа. До этого он поставил комедии "Шагай в тени" (Marche à l'ombre, 1984) и "Большая усталость" (Grosse fatigue, 1994). Помимо режиссуры, он много снимался, в том числе в фильмах "Мсье Ир" (1989) и "Вечернее платье" (1986, приз Каннского фестиваля за лучшую мужскую роль).

"Затруднительное положение" — первая режиссерская работа Блана, которая а) не является комедией и б) не числит Блана среди исполнителей. Главную роль исполняет Даниэль Отей; он играет преподавателя, который в 45 лет решает написать роман. Герой уезжает из Франции в Лондон, где в процессе "изучения среды" заходит так далеко, что становится жиголом.

те зайти слишком далеко?

— Я надеялся остаться в зоне здравого смысла. Мне не хотелось, чтобы все выглядело пригласительно и искусственно, но я не хотел и сто процентов черного фильма. Я не совсем пессимист. Я скорее перманентно озабоченный оптимист.

— Практически весь фильм снят ручной камерой, и это придает ему особую нервность и динамичность.

— Я с самого начала намеревался снимать именно так: ведь герой отрывается от благополучной жизни и бросается в неизвестность. Мне хотелось создать впечатление, что мы рассказываем об этом не как о событиях прошлого, а так, словно это происходит здесь и сейчас. Но при этом мне хотелось избежать репортажного стиля. Я работал с Барри Экройдом, постоянным оператором Кена Лоуча — это настоящий виртуоз. Он выполнял все мои указания с удивительной точностью — но при этом был совершенно свободен в кадре. Сегодня я не представляю, как можно снимать фильм без такого оператора, который при всей его техничности прежде всего остается художником.

— В финале фильма звучит "Гимн любви" Эдит Пиаф.

— Да, я думал об этой песне, когда писал сценарий. Более того, я долгое время колебался относительно названия фильма — мне хотелось использовать для него одну из строчек песни.

— В финале герой фильма, Пьер парадоксальным образом чувствует себя не только опустошенным, но и обогащенным новым опытом.

— Да. Он теперь лучше себя знает. Он знает, как далеко он может зай-

ти. Он научился открывать двери и ходить нехоженными тропами. Теперь он в гораздо большей степени хозяин своей судьбы, нежели вначале, хотя он ничего и не выиграл, пойдя иным путем. Но у него будут новые пути, новые мечты и новые страхи. Этот урок останется с ним навсегда: подвергать сомнению все, что его окружает. Кстати, я никогда не любил определенность и абсолютность — в чем угодно. Пьер свободен — по крайней мере, на время. В этом его победа.

— У вас не было такого же желания, как у вашего героя — все бросить и начать жизнь сначала?

— Ну... не до такой степени. Мне ведь и так регулярно приходится становиться иным человеком. Я очень люблю путешествовать — когда дело не клеится, я просто снимаюсь с места и отбываю в неизвестном направлении. В отличие от героя, я, наоборот, выдаю себя за преподавателя — ради анонимности. Мне неудобно говорить: "Я занимаюсь кино". В этом есть что-то высокомерное.

— Двадцать лет назад, когда вы снимались в комедиях вроде "Загорелых", могли вы себе представить, что будете делать такие мрачные фильмы, как "Затруднительное положение"?

— Я и тогда любил фильмы о человеческих отношениях во всей их сложности. Одним из моих любимых фильмов в то время были "Интерьеры" Вуди Аллена. Но самого себя считал персонажем комедийного кино и полагал, что должен делать то, что умею. А умел делать только то, что делал.

— Критики считают, что переломным для вас стал фильм Блие "Вечернее платье".

— Этот фильм помог мне в двух отношениях. Во-первых, мне впервые дали приз за работу в кино. Конечно, мы, актеры, всегда говорим, что приз — это пустяки, но на самом деле приз в Каннах — это очень много. На тебя начинают смотреть иначе. Ты уже не просто парень, который смешит людей. Ты — актер. И второе: "Вечернее платье" помогло мне укротить мой здравый смысл. До этого я и писал, и ставил, и играл, мысленно оглядываясь через плечо на воображаемого зрителя: "Ах, меня примут за сумасшедшего, ах, этого делать нельзя, этого не поймут, это плохой вкус", — и так далее. А на съемочной площадке Блие я вдруг увидел, что чем более безумно, хулигански и неуважительно ставится сцена, тем лучше она срабатывает. Эти слова: безумность, сдвигнутость по фазе — внезапно стали для меня

ключевыми. До этого я всегда был на редкость разумным и добропорядочным. Даже в юности. И только Блие помог мне обрести нахальство и чокнутость. Кстати, именно поэтому между моей первой и второй режиссерской работой прошло целых 10 лет: я знал, что не смогу больше снимать, как в "Шагай в тени", но еще не понимал, как снимать иначе.

— "Мсье Ир" тоже сильно повлияло на вашу карьеру.

— Да, как ни странно. Этот фильм получился совершенно не таким, как задумывался. Поначалу предполагалось, что это будет просто упражнение в стиле — но почему-то этот фильм зажил по своим законам. Единственное, что меня порадовало — что после его выхода меня не втоптали в грязь. Кстати, этот фильм в основном прославил меня за рубежом. Когда я представлял в Японии "Большую усталость", тамошние зрители были потрясены, узнав, что я делаю комедии, — они считали меня драматическим актером.

— Вам не страшно показывать свои драматические работы бывшим коллегам по вашей бывшей комедийной труппе "Спландид"?

— Это не страшно, это... Конечно, хочется, чтобы тебе сказали: "Ты снял гениальный фильм!" Надеюсь, им действительно нравятся мои фильмы. Впрочем, я точно знаю, что Кристиану Клавье они не нравятся. Ему даже "Большая усталость" не понравилась — он сам это мне сказал. Но мы взрослые люди, и понимаем, что каждый идет своим путем.

— Бетт Дэвис говорила, что актеры становятся людьми, которые себя ненавидят.

— Мне кажется, это упрощенный подход. Но что-то в этом есть. Меня всегда интересовала проблема личности и ее отношения к миру. Становясь актером, ты на время обретаешь иные личности, и твои отношения к личности, как к таковой, постепенно меняются. Не потому что ты себя ненавидишь, а потому что "тебя" единого больше не существует. Это же самое прекрасное на свете — прожить много жизней! При условии, что ты не свихнешься и не попадешь в психушку.

— Изменилась ли для вас сущность работы режиссера в тот момент, когда вы решили, что не будете играть в своем фильме?

— Конечно. Мне не нужно было заниматься собой. Хотим мы того или нет — но лицедейство и режиссура прямо противоположны по сути. Режиссер должен успевать заниматься всем; актер обязан замкнуться в себе, быть эгоистом. Потому что в тот момент, когда прозвучит слово "мотор!", он останется наедине с собой.

— Вы не жалели, что не стали сниматься в "Затруднительном положении"?

— Ни секунды — я даже сам себе удивился! Я с удовольствием и дальше буду сниматься и ставить фильмы, но скорее всего — по отдаленности. По правде говоря, сегодня мне не очень хочется сниматься в комедии. Хотя кто знает? Может быть, завтра мне предложат сценарий, я его прочитаю и скажу: "Черт побери, я и забыл, как это здорово — валять комедию!"

Мишель БАЙЕН

